

6 ФЕВ 1984

Г. МОСКВА

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ на аэродроме Шереметьево приземлился «ТУ-104». По радио объявили, что в Москву после трехмесячных гастролей по США, Канаде и Мексике возвратилась группа артистов Большого театра. Из кабины по трапу в объятия родственников и друзей кинулись счастливые «звезды».

Позади — 32 американских, канадских и мексиканских города, 72 концерта, 300 тысяч зарубежных зрителей. Артисты привыкли к большим расстояниям, к частым перелетам, к высоким скоростям и в шутку называли самолет «воздушным трамваем». Воздушный трамвай настолько поднял темп всех гастролей, что даже телефонные звонки из Москвы не поспевали за группой.

«Большой театр выехал в следующий город», — был обычный ответ. Так что мы не всегда могли сообщить читателям «Советской культуры» о ходе гастролей. Восполняя образованный пробел, хочется начать рассказ о «звездном турне» с Канады.

ЗАКОНЧИВ гастроль в Америке, наша группа вылетела в Канаду с тем, чтобы в тот же вечер выступить в крупнейшем канадском городе Монреале. На этот раз погода отнеслась к визиту советских артистов недружелюбно. Провисев около двух часов в воздухе, самолет канадской авиакомпании попал в пургу. По радио сообщали, что аэродром в Монреале закрыт плотной снежной пеленой, и предложили лететь в Торонто. Но экипаж самолета, посоветовавшись с пассажирами, решил все-таки держать курс на Монреаль — ведь три тысячи канадцев с нетерпением ждали выступления «звезд» Большого театра.

Когда машина, раздвинув плотную снежную завесу, коснулась колесами посадочной площадки, в самолете раздались аплодисменты. На сей раз аплодировали сами артисты, аплодировали немного смущенному капитану корабля и всему экипажу за решительность и мастерство.

А через два часа стены нового монреальского театра уже сотряса-

20.000 МИЛЬ УСПЕХА

лись от оваций — советские артисты начали заключительные гастроли в Канаде.

А через несколько дней жгучий мороз сменился тропической жарой — советские артисты через шесть с небольшим часов уже были в Мексике.

Еще в США и Канаде нас уговаривали не лететь в Мексику. «57 концертов за два месяца — это предел человеческих сил», — говорили нам. А когда стало известно, что у советских артистов не остается времени на необходимую в этих местах примерно недельную акклиматизацию, то «ясновидцы», не колеблясь, предсказали: «Ваши балерины попадут, как снопы, уже в первом отделении».

Они оказались правы в одном — выступать было действительно трудно. Вознесшись более чем на две с половиной тысячи метров над уровнем моря, столица Мексики завладела, казалось, всеми дарами природы: солнцем, горным воздухом, буйной тропической растительностью, но... «забыла» об одной маленькой детали — кислороде. На сцене это ощущалось особенно остро. Зрители, сидевшие в зале, и не подозревали, что улыбающиеся, легко парящие в воздухе балерины и их партнеры, используя маленькую паузу, спешили за кулисы к баллону с кислородом.

Ранса Стручкова, проведшая все гастролью на высоком творческом уровне, покорила мексиканцев своей техникой и эмоциональностью. Газета «Эль Диа» почти целиком посвятила ей рецензию на первый спектакль. Газета писала: «Ранса Стручкова способна возводить до уровня большого искусства даже маленькие номера. Вместе с Лапурри они составляют прекрасную пару, где все совершенно...».

Критики дружно отметили нашу молодую балерину Елену Рябикину и ее партнера Владимира Тихонова, в отрывках из «Лебединого озера», Наталью Филиппову и Вла-

димира Никонова в «Щелкунчике», Ларису Трёмбовельскую с Николаем Симачевым и Мансуром Камалетдиновым в русском и армянском танцах. Майю Самохвалову и Шамиля Ягудина мексиканцы прозвали «артистами-космонавтами». Одна из газет заметила, что оба артиста из пятидесяти минут танца 45 минут находятся в воздухе. О Геннадии Ледях и Борисе Хохлове говорили, что они могут украсить лучшую балетную труппу мира. Мексиканцам очень понравилась идея и исполнение артистами «Класс-концерта» в постановке народного артиста РСФСР Асафа Мессерера.

В один из вечеров за кулисами театра царил необычный оживление: советские артисты давали традиционный концерт в честь президента Мексики Адольфо Лопеса Матеоса и его гостей. Адольфо Лопес Матеос и его супруга горячо благодарили мастеров балета за доставленное им удовольствие.

— Мы не видели ничего прекраснее, да и вряд ли увидим когда-либо, — заявил президент.

Заключительный концерт должен был состояться в здании колоссального «Аудиториума», вмещающего более 15 тысяч зрителей. Как мы узнали позже, организаторы концерта шли на риск. Дело в том, что это был «день большой корриды» — зрелища, как известно, необыкновенно популярного в Мексике. Газеты пестрели рекламными фотографиями и заметками о боевых качествах быков и тореадоров. Поскольку время начала корриды и нашего концерта примерно совпадало, большинство жителей было поставлено перед выбором: либо коррида, либо Большой балет.

Спор решился неожиданно просто. Ранним утром к «Аудиториуму» хлынули громадный поток людей. Все 15 тысяч билетов были распроданы до полудня. Стало ясно, что знаменитые тореадоры, бесстрашно сражавшиеся с разъя-

ренными быками, терпят поражение от хрупких балерин.

Концерт превратился в триумф советского балета. Зрители поднимались после каждого номера и аплодировали до тех пор, пока не добивались исполнения на бис. Когда же в финале «Вальс-моргельной ночи», заключавшей концерт (я с ним и гастроль), Людмила Богомолова вылетела в воздух и застыла на руке Александра Бегака, зал буквально застонал. 15 тысяч мексиканцев дружно замахали белыми платками. Мы знали, что к этому приему обычно прибегают во время боя быков в тот момент, когда тореадор, завоевавший признание зрителей, заносит шпагу, чтобы покончить с обескураженным животным. Белые платки означают просьбу не убивать быка, а продолжить зрелище.

На аэродроме советских артистов уже ждал самолет, который должен был доставлять их через океан на Родину, и дирижер Георгий Жемчужин положил на пульт палочку, возвестив об окончании концерта. Но впервые мексиканские музыканты не подчинились ему. Оркестр заиграл, а зрители дружно подхватили мексиканскую прощальную песню «Ласточка». «Прекрасные ласточки, вы покидаете нас, но мы будем ждать и надеяться, что вы скоро вернетесь», — поется в этой песне.

Через час мы уже были в самолете. Позади осталась зеленая Мексика, белоснежная Канада, и мы вновь «повисли» над Америкой. Вглядываясь в очертания пропавших внизу городов, мы вспоминали гостеприимных, дружелюбных американцев, с которыми встречались во время гастролей. Мы были благодарны им за теплый и искренний прием, и все же кое-что вызывало у артистов некоторую досаду. Грустно, например, что выступать часто приходилось в крытых стадионах, где основание сцены упиралось в искусственный лед катка, а задником служили лифтербалы гигантских секундомеров. Впрочем,

грустно от этого было не только нам.

В Вашингтонском дворце спорта после концерта за кулисы пришла супруга государственного секретаря Дина Раска. Поздравив наших артистов с успехом, она сказала: «Я испытываю чувство неудобства за то, что столица США вынуждена принимать лучший в мире балет в сарае».

Вспомнилось и другое: Чикаго и несколько молодых людей, прогуливавшихся перед началом нашего концерта у здания Маккормик-паласа. В руках у них было два плаката: один призывал бойкотировать советское искусство, а другой — отказаться от культурного обмена с Советским Союзом. В тысячном потоке американцев, спешивших на концерт, они выглядели смешно и жалко. Мы поинтересовались, почему они против культурного обмена с Советским Союзом. Вместо ответа парень и девушка смущенно потоптались на месте. Мы предложили им два бесплатных билета на наш концерт, и через мгновение, отбросив плакаты в сторону, оба скрылись во входной двери. Мы разглядели их обоих уже в зале во время спектакля. Оба нештово аплодировали. А во время антракта парень, завидев нас, поднял большой палец вверх.

— Это действительно великолепно, — сказал он. — Спасибо большое, а то бы протолкались весь вечер у входа.

Как и следовало ожидать, больше молодые люди у театра не появлялись. Было очевидно, что и в первый раз они пришли не по своей инициативе. Кто-то послал их. Кто-то, кому расширение культурных связей с Советским Союзом до сих пор не дает покоя. Мы знали: их не так уж много в Америке, но было досадно, что они все же еще есть.

Набирая высоту, машина пробила густые облака. В окна стремглав ворвались яркие лучи солнца. Самолет взял курс на Родину...

**В. ЧИТАШВИЛИ.
МОНРЕАЛЬ — МЕХИКО —
МОСКВА.**